

Погода стояла тёплая, характерная для середины осени на севере Туруханского района Красноярского края. Прошли первые снегопады, оставив на земле слой пятнадцатисантиметрового снега. Пуржило. Тёплая погода вместе с сильным порывистым ветром создавали гнусную холодную сырость. Охотники называли такую погоду «нерабочей». И действительно, работать в такой хмари совсем не климатило. Идти жарко, а остановишься — холодный ветер пробирает до костей, после чего тело словно покрыто липкой склизкой паутиной. Снег хоть и пухлый, лёгкий, а укрывистый, прячущий под собой все каверзные сучки, пеньки и поваленные деревья. Пока пройдёшь двести метров, все ноги повыворачиваешь. В общем, тоска.

Тишка охотился с Викторычем уже четвёртый год. Два полных сезона и один с половинкой. Не то чтобы ему это очень нравилось, он горожанин, типичный мамсик, любил спокойствие, уют и удобства цивилизации. Вот сидеть бы и малевать в тёплом уголке с перерывами на вкусный кофе и горячую ванну. Да и кто будет им тут восхищаться? В городе хоть была какая-никакая публика, восторги и восхищения начинающим художником. Собственно, и с Викторычем он пошёл в тайгу больше из тщеславия. В голове вырисовывался подзаголовок: «На промысел с таёжным охотником». Молодой горожанин бросил суетный город и рванул в енисейскую тайгу с одним из самых уважаемых охотников края. Ну не круто ли? Кто устоит перед такой перспективой? В голове всплывали отрывки из приключенческой литературы, и Тишка уже представлял, как он из последних сил тащит своего раненного медведем напарника, дотаскивает

до рации, сообщает печальное известие и валится в изнеможении на нары. Потом гул вертолётки, их забирают, вертолётчик хлопает его по плечу и говорит: «Молодец, брат! Успел! Если бы не ты, уж не видать твоему напарнику белого света! Герой!» Потом репортаж в новостях, интервью, благодарности и прочее-прочее-прочее. Это уже не какой-то там начинающий художник в огромном, кишачем талантами и гениями Петербурге. Как говорил Цезарь: «Лучше я буду первым в африканской деревне, чем вторым в Риме». А Цезаря надо слушать.

Попал он к Викторычу, можно сказать, «на слабó». Тишка всю жизнь очень зависел от чужого мнения, и однажды, когда он бахвалился перед друзьями своими подвигами в Карелии, отец это услышал и прилюдно подковырнул: «Нашёл чем хвастаться! Прогулялся! Да что бы ты делал в настоящей тайге?» Тишка пробовал парировать: «Да у меня возможности нет! Если бы я нашёл возможность, сразу бы поехал!» Отец не растерялся: «Это я могу тебе устроить! Есть у меня друг детства — матёрый таёжник, могу с ним договориться, чтобы взял тебя поработать в тайге!» Поэтому, когда Викторыч впервые позвонил ему, чтобы прощупать почву, Тишка тут же выпалил: «Я трудностей не боюсь! Всю Карелию прошёл». Ну, приврал, конечно: не всю Карелию, а лишь небольшую двухкилометровую перемычку с одного конца острова до другого, когда они ездили с товарищами в геологическую экспедицию за агатами. Но тогда это казалось Тишке нереальным приключением. Воды по щиколотку, потерянные в тайге шоколадки, выпавшие из пластикового пакета, который он тащил в руках, неясный след зверя на не до конца растаявшем снегу. Ох, как смешно и по-детски сейчас всё это кажется Тишке, но тогда... Викторыч, конечно, ему не поверил, но шибко ему было интересно, что из этого получится, к тому же Тишка проявил такое рвение, что охотник сдался. «Пойдёшь со мной на сезон», — сказал Викторыч Тишке. Что такое сезон, Тишка уже знал, ведь он посмотрел до этого фильм с участием

охотника. «Ух, отлегло», — подумал Тишка, боявшийся опозориться перед товарищами, если бы охотник ему отказал.

Сейчас, когда Тишка пишет этот рассказ, впечатления первых лет уже утихли, товарищи подвиги Тишки обсудили, интерес понемногу спал, и про Тишку забыли. И остался он с Викторычем один на один, публика разошлась, и он уже не понимал, зачем ему всё это надо. Но всё же пошёл, наверное, за компанию с ребятами, которые охотились на соседнем участке сына Викторыча, а может, ещё зачем-то, может, где-то в подкорке ещё теплилась мечта о славе и реабилитации в качестве героя. Всё это время Тишка чувствовал себя подопытным хомячком, и смысл этих опытов ускользал от Тишки — возможно, потому, что Тишка был заиклен на себе любимом. Пользы от него Викторычу было немного, разве что иногда кухарит, кормит собак, топчет снег в целик и налаживает ловушки. Ну и соболя одного добыл из-под собаки. Но тащится Тишка так медленно, что часть ловушек остаётся на путике не налаженной, приходится пропускать и идти ходом, чтобы успеть в зимовье до темноты. К тому же Викторыч то и дело материт Тишку. Называет разгильдяем на матерный манер, постоянно говорит ему, что тот не хочет включать голову, ну и всё в таком духе. Тщетно вспоминает Тишка о фобиях Николки из «Большого кочевья» Анатолия Буйлова и Смока Белью Джека Лондона. Читает про то, как старший учит младшего, и кажется ему всё это справедливым и правильным, но только дело доходит до него самого — тут уж его трагедия кажется уникальной, а Викторыч, хоть он и знаком с ним уже четвёртый год и вроде как нет у него причин ждать от того подставы, кажется ему самым зловредным стариком из всех существующих. Мерещится ему, что все советы Викторыча приводят к бедствиям для Тишки. То в ручей упадёт, то уронит на себя что-то. А самое подлое — веселят Викторыча Тишкины несчастья.

Вот сегодня с утра они снова повздорили. Тишка даже всплакнул. Всю дорогу его мучили обиды. Да ещё и погода нелётная.

Вышли они из зимовья в десять утра, но через два километра от избышки, которую они оставили, прибежала лайка соседей. Эта вредная собака накануне оставила хозяина и увязалась за Викторычем, а после отгрызла поводок, которым Викторыч привязал её, чтобы она вновь не убежала, пока хозяин не придёт её забрать. Чтобы вернуть собаку на зимовье, пришлось потратить лишних полтора часа. Тишка тем временем упражнялся в налаживании ловушек — сам срубил вилку, поставил на ноги обвалившуюся кулёмку. Но время, за которое они могли пройти лишние пару километров, безвозвратно утеряно — время в тайге и союзник, и злейший враг. Припозднишься — влипнешь в историю.

Когда Викторыч вернулся, ещё какое-то время ушло на то, чтобы послушать собак, которые остановили лосей, и принять решение, добывать или нет. Решили не добывать — идти ходом. Впереди, в самом конце пути перед желанным базовым зимовьем, где они смогут пару дней отдохнуть, — большое трёхкилометровое болото, ещё не застывшее в это время года. Викторыч прекрасно знал цену задержек в пути, поэтому торопился, но тем не менее пожалел Тишку и развёл костёр, чтобы продрогший Тишка мог немного перекурить и согреться. На это ушло ещё полчаса.

Времени оставалось в обрез — только быстрым ходом бежать и бежать, не останавливаясь, иначе по темноте ох как трудно бывает отыскать зимовье в болотах, словно какие-то духи уводят тебя от желанной цели, путают, подсовывают похожие пни, на которые ты ориентируешься, и тем самым сбивают с пути. Да и тёс на болоте плохой. Чтобы ускорить передвижение, Викторыч забрал у Тишки сучку Шилку и перевязал её к своей поныге. Тишке стало немного полегче идти.

Когда до зимовья оставалось четыре километра, на пути встал небольшой ручей шириной в четыре метра.

Викторыч предостерег Тишку, что ручей глубокий, упадёшь — по грудь искупаешься, будь осторожен. Берега высокие, вылезти будет крайне трудно. На ногах раскатынные до предела бродовые сапоги. В кустах стоял приклонённый к дереву шест — помощник при переправе. Через ручей перекинута неширокая берёза, на которую с берега чуть внаклонку припала такая же неширокая ёлка. «Смотри, берёза скользкая — опирайся только на шест», — подсказывает Викторыч. Викторыч с Шилкой на привязи, местами пробивая шестом лёд, перешли через ручей. Тишка не очень-то следил за технологией перехода, его занимали совсем другие, мелкие эгоистичные мысли: зачем и почему и на кой чёрт постоянно ворчит на него этот старик, уеду в Петербург, подальше от унижений. Заметил только, как ухнул и провалился лёд под шестом Викторыча у самого берега. «Страшно», — подумал Тишка. Ещё Викторыч во время перехода поругивал Шилку: «Смотри не искупай меня!» Обычно он молчком переходил, а тут столько предосторожностей. Значит, и правда ручеёк коварный.

Ступив на берег, Викторыч посоветовал Тишке зайти на берёзу по ёлке и перекинул шест на другой берег. От удара о землю шест сломался и стал короче на пятьдесят сантиметров. Тишка непроизвольно обругал Викторыча за то, что тот неаккуратно бросил шест, и за то, что посоветовал Тишке идти по ёлке, так как присыпанная снежком ёлка оказалась вся в сучках. Их приходилось ломать, чтобы уверенно ступить на ствол.

«И зачем мне всё это надо?» — вслух спросил Тишка.

Дойдя до середины ручья, Тишке вдруг приспичило, словно какой чёрт подсуетился, пробить лёд шестом, хотя и без этого шест крепко упирался в лёд и держал ходока. Лёд пробивался плохо, и Тишка навалился на шест всем телом. Шест прошёл сквозь лёд и ухнул в глубину, потянув за собой Тишку. Тишка лишь вскрикнул и, прогнувшись буквой «Г», чудом удержал равновесие, балансируя на бревне и держась за самый край шеста. Сломайся шест

побольше на двадцать сантиметров — и купаться Тишке в ледяном ручье.

С берега уже доносилась отборная ругань Викторыча. Было видно, как он одновременно взволнован и рассержен увиденным. Оцепенев от испуга, Тишка кое-как аккуратно перешёл на другой берег. Шест был довольно тяжёлый, и требовалось усилие, чтобы перекинуть его на новую точку опоры.

Когда Тишка вылезал на берег, Викторыч стоял на возвышении и, словно коршун с вершины скалы, смотрел на свою жертву — испуганного кролика Тишку.

«Ты хоть понимаешь всю тяжесть возможной ситуации? Ты же видел, как я переходил! Никогда нельзя опираться на шест всем телом, только рукой. Дров здесь не найдёшь, вылезти очень трудно. Что бы мне осталось? Только пристрелить тебя, чтоб не мучился?» Когда Викторыч это говорил, не злоба, не раздражение им руководило, а какое-то отчаянье и разочарование, что его напарник оказался таким непробиваемым и безнадёжным. Такой крик души.

Странное дело, но, слушая эти жёсткие прямые слова, Тишка совсем не чувствовал обиды, только вину, что он мог поставить себя и своего учителя в такое трудное положение. Он всё ещё не мог выйти из оцепенения. Ему было так плохо, такую он ощущал никчёмность, что он обуза для Викторыча, что уже было решил уехать в столицу по окончании сезона, сидеть в тёплом офисе — видимо, это предел его личности и умственных способностей, и решил сообщить об этом Викторычу: «Наверное, теперь от одного слова „охота“ я буду забиваться в самый дальний угол». Викторыч лишь сказал, что всё утрясётся, когда он отдохнёт, все дурные мысли вылетят из головы, после того как он выспится, согреется и хорошо поест.

Болота они проходили тяжело, постоянно проваливаясь и ухая в чёрную жижу, поэтому на избушку пришли порядком измотанные, но всё же нашли время и силы обсудить ситуацию «под рюмочку». На избе был спирт.

Поначалу Тишка пробовал смеяться и отшутиться, как он всегда делал, чтобы избежать болезненных разговоров, но Викторыч его оборвал и стал раскладывать по полкам, как обстояло бы дело, если бы Тишка искупался. Во-первых, он бы искупался с ног до головы, во-вторых, пока Викторыч смог бы его достать, пришлось бы минут пять, не меньше, плескаться в ледяной воде. Сапоги с раскатанными голенищами тут же набрали бы воды и превратились в якоря. Как бы он вылез на берег? Дров в тех местах нет — всё, что когда-то было, сожжено на привалочных кострах за долгие годы промысла. Пока Викторыч нашёл бы дрова, Тишке пришлось бы ещё какое-то время сидеть мокрым. Одежды с собой не было, спальник бы тоже искупался и намок, спички тоже. Частенько, надеясь на Викторыча, Тишка и вовсе не брал с собой спички, несмотря на все наказания. Пока одежда бы сохла у костра, Тишка бы окончательно околел. «Одним герпесом не обошлось бы», — сказал Викторыч, глядя на болячку в уголке губ Тишки. Если бы Тишка был один, он бы и вовсе замёрз и погиб.

Проматывая назад прошедший день, до Тишки вдруг начал доходить смысл слов Викторыча, что он ничего никогда не говорит просто так, как это раньше казалось Тишке. Днём Викторыч, сидя у костра на привале, пересказывал ему рассказ Джека Лондона, как один молодой человек, не послушав совета опытного старика-следопыта, ушёл и попал в наледь, промокнув насквозь, хотя старик советовал ему в тот день никуда не ходить. Ему кое-как удалось разжечь костёр, чиркнув разом все спички, тогда он со злорадством сказал: «Вот тебе, негодный старик, у меня всё-таки получилось!» И в этот момент, словно по колдовству, дым от разгоревшегося костра подтаял кухту на ёлке, под которой сидел путник, большой ком снега упал на костёр и полностью его затушил. Замерзая, парень сказал: «Прав ты был, старая лиса». Тишке тогда показалось, что Викторыч рассказывал эту историю к слову, для поддержания разговора, но после

произошедшего на ручье эти слова приобрели совсем иную логику и смысл.

Засыпая, Тишка видел себя продрогшим, уставшим и жалким, потерявшим последние крупницы тщеславного бахвальства. Он чувствовал, как холод обволакивает его, погружает в глубокий сон, из которого не будет пробуждения. В этом полузабытьи, где-то в глубине его сознания, трескался лёд, обнажая чёрную холодную воду. Да, лёд треснул.